

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ)

ПЕТРОВА С.В.

В статье рассматриваются особенности проявления внешней политики непризнанных государств на примере Республики Абхазия. Анализируются основные направления внешней политики Абхазии после начала ее борьбы за независимость.

УДК 316

Ключевые слова: внешняя политика, Республика Абхазия, Россия, Грузия, Турция.

С формально-правовой точки зрения непризнанные государства, возникшие в результате этнополитических и религиозных конфликтов, распада многонациональных образований для мирового сообщества не существуют. По справедливому замечанию британского журналиста и политолога Томаса де Ваала, «быть руководителем непризнанного государства – незавидная работа... Это означает, что никто не приглашает тебя на международные встречи. Организация Объединенных Наций не отвечает на твои письма. Когда ты посещаешь иностранное посольство, тебя принимает не посол, а первый секретарь» [1]. Законы, принимаемые непризнанными республиками, как правило, не рассматриваются в качестве легитимного акта за пределами их территории (следовательно, отрицаются и совершаемые в них имущественные сделки, не признается их уголовное, административное и гражданское законодательство). Для непризнанных государств затруднено вступление в международно-правовые отношения с теми образованиями, которые являются членами ООН. Иностранные же дипломаты по большей части прибывают на территорию таких образований только с миротворческими инициативами. Любой зарубежный политик, посетивший непризнанную республику, имеет все шансы оказаться персоной нон грата в странах, неотъемлемыми частями которых эти формально не существующие республики считаются.

И тем не менее непризнанные и частично признанные государства, несмотря на все описанные выше риски, – это привычное явление в современной политике. Более того, существуя в таком качестве не один год (и даже не одно десятилетие), они пытаются выстроить собственные властные структуры, включая и внешнеполитическое направление. Внешняя политика де-факто государств – тема, практически не изученная. Очень часто эти образования рассматривают как «марионеток» в руках более крупных «кукловодов» (Приднестровье, Южную Осетию и Абхазию в руках Российской Федерации, Турецкую Республику Северного Кипра в руках Турции, Нагорный Карабах в руках Армении). Между тем предметный и содержательный анализ внешнеполитической деятельности де-факто образований говорит о том, что реальная картина намного сложнее. Пример тому – внешняя политика Абхазии, республики, которая в советский период была автономным образованием в составе Грузинской ССР, а после распада единого союзного государства начала борьбу за самоопределение от независимой Грузии.

Ключевым моментом в определении внешнеполитических приоритетов Абхазии стал военный конфликт с Грузией в 1992–1993 гг. Этот конфликт стал для Абхазии, говоря словами Карла Ясперса, «осевым временем». Посредством конфликта оформилась абхазская непризнанная государственность. Признание же Абхазии «стороной конфликта» и Грузией, и Россией, и ООН сразу прибавило ей «геополитическую капитализацию». Абхазская государственность, таким образом, не признавалась, однако политическая субъектность была взята в расчет. Такой сценарий не имел бы шансов на развитие в случае победы Грузинского государства (находящегося в начале 1990-х гг. в заложниках у агрессивного этнического национализма). Однако конфликт 1992–1993 гг. был запрограммирован процессом распада СССР. Когда этот вопрос уже встал в актуальную повестку дня, руководители абхазского национального движения начали выстраивать свои внешнеполитические контакты по трем направлениям.

Начнем с российского. Вопреки расхожим штампам, здесь у Абхазии не было стопроцентной и однозначной поддержки. Впрочем, здесь требуются уточнения. Речь идет о тогдашнем окружении первого президента России Бориса Ельцина, который, борясь с союзным руководством и лично с Михаилом Горбачевым, воспринимал абхазских лидеров (в первую

очередь Владислава Ардзинбу) как носителей «советских ценностей» и едва ли не поклонников ГКЧП и отжившего советского строя. В реальности картина была иной. Ардзинба никогда не был коммунистическим доктринером, он был националистом, который ради защиты абхазов и их самоопределения был готов к ситуативным союзам. Поскольку же Грузия в 1989–1991 гг. была в авангарде борьбы за выход из состава СССР, он опирался на коммунистические силы в тогдашнем союзном руководстве страны. Поэтому после распада СССР у Ардзинбы не было в Москве всеобщей поддержки. Исполнительная власть относилась к нему прохладно (и эта «прохлада» продолжалась не один год), а поддержку он нашел среди депутатов Верховного Совета, настроенных против Ельцина и молодых реформаторов.

Вторым источником поддержки внутри России для Абхазии стали движения северокавказских народов и этнократические элиты некоторых национальных республик Западной части Кавказа (в особенности Адыгеи). Первый съезд народов Кавказа, кстати сказать, прошел еще в августе 1989 г. в абхазской столице Сухуми. Именно он дал толчок созданию Конфедерации горских народов Кавказа (в 1989 г. поначалу она называлась Ассамблеей). Окончательно Конфедерация (КГНК) была оформлена как структура также в Сухуми на третьем Съезде в ноябре 1991 г., когда Союз ССР доживал последние дни. В 1992–1993 гг. активисты КГНК приняли весьма деятельное участие в победе абхазской стороны над Грузией. В наиболее полной мере поддержку Абхазии оказала Адыгея, ведомая первым ее президентом Асланом Джаримовым. Глава Адыгеи публично высказывался в пользу Владислава Ардзинбы и фактически поддерживал отправку добровольцев на войну с Грузией [2, с. 72].

Вторым направлением внешней политики самоопределяющейся Абхазии мы можем считать попытки установления контактов с представителями абхазской диаспоры в Турции. Формирование этой диаспоры началось 1860–1870-е гг., когда значительная часть населения Западного Кавказа вынуждена была стать «махаджирами» (от арабского – переселенцы). После завершения многолетней Кавказской войны эти люди покинули свою историческую родину, нашли убежище в пределах тогдашней Османской империи. Точное количество абхазов диаспоры неизвестно потому, что в проведенных в Турции переписях данные представлялись либо по религиозному принципу (не выделяя этничность), либо по родному языку (за полтора века для многих потомков абхазских мухаджиров таковым стал турецкий). По данным известного ученого (а ныне советника президента Абхазии по международным вопросам) Вячеслава Чирикбы (в течение нескольких лет он работал в старейшем в Нидерландах Лейденском университете), в Турции сегодня находятся более 200 абхазско-абазинских сел, расположенных в 20-и провинциях этой страны. Чирикба считает, что в диаспоре представлены все абхазо-абазинские языковые группы. При этом выходцы из абхазской диаспоры сыграли значительную роль и в революции Кемалья Ататюрка (который считается отцом-основателем современной Турции), и в установлении контактов между советской Россией и кемалистами, и в других событиях. Однако идеализировать отношения Турецкой республики с различными объединениями диаспоры не следует, поскольку Анкара, выступая за создание единой политической нации, очень ревностно следит за любыми проявлениями этнического партикуляризма. И хотя Анкара никогда не признавала независимости Абхазии (на Южном Кавказе Турция всегда апеллировала к принципам «территориальной целостности» и не только по отношению к конфликту Армении и Азербайджана), для Сухуми всегда было свое маленькое «окошко». В 1991 г. лидер абхазского движения Владислав Ардзинба посетил Турцию и был принят, хотя и по большей части представителями оппозиционных партий, но отнюдь не политическими маргиналами. В ходе грузино-абхазской войны Анкара смотрела сквозь пальцы на жесткую критику грузинской политики в прессе, а также на массовые акции протеста в поддержку Абхазии, сбор средств, направленных в помощь этой республике. С началом 1990-х гг. открылись и экономические контакты между отдельными турецкими бизнесменами и Абхазией.

Третье направление мы можем определять как «международное». Оно включало в себя переговорный процесс с Грузией под патронажем международных структур. Первый раунд переговоров между конфликтующими сторонами под эгидой ООН прошел 28 ноября – 1 декабря 1993 г. (отсюда его название – «женевский процесс», который не следует путать с начавшимися в октябре 2008 г. консультациями по стабильности и безопасности на Кавказе). Завершение войны, хотя и принесло военный успех Абхазии, но поставило ее на грань физического выживания.

В 1993–2008 гг. «международное направление» абхазской внешней политики было крайне насыщенным. Начиная с 1997 г., специальный представитель Генсека ООН, координирующий

женевский процесс и работу Миссии ООН по наблюдению в Грузии, открыл свой офис в Тбилиси, но в сферу его деятельности входила и Абхазия. Тогда же начал свою работу Координационный Совет и три рабочих группы по неприменению насилия, возвращению временно перемещенных лиц и экономическим проблемам в рамках «женевского процесса». Последняя встреча Координационного Совета прошла в мае 2006 г. после почти пятилетнего перерыва. Этот перерыв был вызван обострением этнополитической ситуации в Кодорском ущелье осенью 2001 г. Однако после того, как грузинские военные подразделения в нарушение Московских соглашений 1994 г. вошли в верхнюю часть Кодорского ущелья (демилитаризованную зону по условиям этого документа), Координационный Совет более не собирался. В 2002 г. специальным представителем Генсека ООН, германским дипломатом Дитером Боденом был представлен мирный проект из восьми пунктов «Основные принципы распределения полномочий между Тбилиси и Сухуми» («план Бодена»), который предполагал создание суверенной Абхазии в составе единого федеративного Грузинского государства. План не был принят конфликтующими сторонами. По словам нынешнего премьер-министра (в недавнем прошлом многолетнего министра иностранных дел) Абхазии Сергея Шамбы, главной целью переговорного процесса со стороны Сухуми было затягивание времени [3]. Надо признать, что эта цель для абхазской стороны была успешно реализована.

В 2008–2010 гг. во внешней политике Абхазии было много противоречивых сюжетов. С одной стороны, участие в консультациях в Женеве (пусть и не в статусе полноправного государства, но в качестве особого образования), признание латиноамериканских стран и Науру, поездки в страны Южной Америки, дискуссии в зарубежных «мозговых центрах» о «кооперации» без признания. На эту тему высказывались влиятельные американские политологи Линкольн Митчелл, Александр Кули, Пол Гобл, французский исследователь Лоран Винатер, британский специалист Том де Ваал. Эту же цель обозначил и специальный представитель ЕС на Южном Кавказе Питер Семнеби. В отличие от Южной Осетии, за Абхазией западные политологи и дипломаты открыто или приватно признают самостоятельный государственный потенциал [4]. В то же самое время выросла военно-политическая зависимость Абхазии от РФ. И хотя сегодня никаких резких расхождений в отношениях Москвы и Сухуми нет, в перспективе некоторые острые сюжеты могут вызывать споры (участие российского бизнеса в освоении Абхазии, российские военные базы). Следовательно, работы у непризнанных дипломатов впереди немало.

Примечания:

1. Перспективы международного признания Абхазии // www.mfaabkhazia.net/ru/policy.
2. Петрова С.В. Национальные политические элиты Северного Кавказа: взаимодействие и развитие // Социально-политические и правовые механизмы реализации прав человека в полиэтничном сообществе. Материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. Сочи, 22–25 сентября 2009 г. Сочи, РНПИ СГУТиКД, 2009. С. 70–74.
3. Интервью министра иностранных дел Республики Абхазия С. Шамбы // www.mfaabkhazia.net/ru/policy.
4. Перспективы международного признания Абхазии // www.mfaabkhazia.net/ru/policy.

Сведения об авторах:

Петрова Светлана Владиславовна, канд. полит. наук, доцент СГУТиКД (г. Сочи).

SELF-PROCLAIMED STATES FOREIGN POLICY (ABKHAZIA CASE STUDY)

PETROVA S.V.

The article studies self-proclaimed states foreign policy features (the Republic of Abkhazia case study), analyses Abkhazia foreign policy major trends after it started struggle for independence.

Keywords: foreign policy, the Republic of Abkhazia, Russia, Georgia, Turkey.

UDC 316